

Так начиналась война

Category: Kitapcy, Yatlamalar

написано kitapcy | 26 января, 2025

Так начиналась война ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Сидят бабушка Хана дедушка Борух я между ними стоят мама Роня бабушка Йоха папа Рувен. Я отлично, в деталях, помню, как для нас, детей дошкольного возраста, начиналась война.

Накануне, в субботу в нашем детском саду воспитательница рассказала, детсадовским «выпускникам», о предстоящем, дней через 10, выезде на дачу – Барвин Переезд, расположенную неподалёку от Витебска на живописном берегу Западной Двины. Как обычно, в тот день за мной пришла мама, и по дороге домой мы с ней строили планы на лето: в этом году мне предстоит пойти в первый класс, и меня сразу же после дачи отправят в Камень, большое местечко, где родился мой отец и жили дедушка Борух и бабушка Хана. Все мои летние довоенные месяцы я проводил с ними, и это были мои самые любимые, познавательные и впечатляющие дни. Получалось, что мой отъезд в Камень приходится где-то на 10 – 12 июля...

Местечко Камень раскинулось вдоль старомосковской дороги, по которой в 1812 году наступали на Москву полки Наполеона, а дальше, на запад, текла неширокая река Березина, где это же войско той же зимой потерпело жестокое поражение (но в те счастливые предвоенные годы я ничего не мог знать об этих событиях). Зато у меня было много друзей-приятелей среди местных мальчишек, а дремучие леса и гряда чистых и прозрачных

озёр вокруг деревни, разнообразные домашние животные и птицы, – всё это превращало все мои деревенские дни в необычайно яркие, насыщенные и незабываемые. Большой бабушкин огород располагался между домом и озером, на берегу которого в сотне метров находилось и двухэтажное деревянное здание синагоги. Бабушка и дедушка постоянно посещали её, причём я почему-то всегда был с бабушкой, и только на втором этаже, и мы сверху наблюдали за процессом службы. Напротив, через дорогу, под горой стоял дом дедушкиного приятеля Шухмана, с которым дед парился в бане, расположенной рядом, на этой же горе. Говорили, что баню топили «по-чёрному», я не понимал, что это значит, но малинового цвета камни, на которые лили воду, и нетерпимо горячий обжигающий воздух – это запомнилось. Дом Шухмана возвышался над местечком, он был как-бы врезан посередине горы, и к нему вела крутая лестница. Дом этот мне запомнился своим садом, куда я часто «наведывался» за яблоками и грушами, за что бабушка меня ругала и говорила, что и Рувен (мой отец) лазил туда, как и я. А ещё в этом доме всегда пекли для всего местечка мацу на пасху, и я запомнил этот процесс в весну приблизительно 1938 года. Более того, я принимал участие в выпечке – вращая «дрейдл», я оставлял маленькие следы-отверстия на поверхности сырого теста, которое имело форму тонкого круглого блина. Меня завораживал процесс выпечки: вот на широкий противень укладывают несколько блинов, продырявленных мною, и отправляют их в печь, на раскалённые угли, а внутри печи, дальше, горят поленья, которые и превращаются в эти угли. Для меня это было чудом, чудом перевоплощения сырого невкусного теста в румяную хрупкую вкусную мацу. Я взял кусочек теста, скатал из него кружок и скрыто положил на край противня. Прошло пару минут, и на моей ладони лежал обжигающе горячий, румяный и вкусный баранок – бейгэле.

Мой родительский дом в Витебске был расположен на правом берегу реки Витьбы, а улица так и называлась – Набережная реки Витьбы, где под № 24 и находился наш дом. В нём другая моя бабушка Йоха Гиршевна Герман родила, вырастила и поставила на

ноги десять (!) детей – и в тех условия и обстоятельствах, когда практически на ней лежали все домашние заботы. Её муж, мой дедушка Гирш Герман был очень набожным человеком, и большую часть времени проводил в синагоге и одновременно истово выполнял один из главных постулатов иудаизма – «плодитесь и размножайтесь». Он умер в 1924 году в синагоге во время утренней молитвы, возносимой Всевышнему с предельной искренностью. В память о нём много его внуков и внучек называли Гиршами, Нисями, Гришами, Нинами. Бабушка пережила его на 25 лет.

Осенью 1939 года в нашем доме появилась большая семья варшавских евреев-беженцев. Они заняли большую комнату, примыкавшую к кухне, напротив входной двери в дом. В разное время там жили студенты, с которыми я любил общаться. Они развешивали на стенах непонятные мне картины, и я расспрашивал их о содержании этих таинственных картин. Возможно, варшавяне приходились нам какой-то родней. Но именно их пребывание в нашем доме спасло всю нашу витебскую родню от расстрельных оврагов. Они часто собирались и подолгу говорили с моими многочисленными дядями и тётёй Раей, навещавшими их мать, мою бабушку. Я отлично понимал идиш и умудрялся подслушать, о чём они говорили тихими голосами, порой шёпотом. Услышанное не укладывалось в моём сознании. В детском саду наша воспитательница Ундина Ивановна рассказывала нам о любимом Сталине, о Германии, дружественной нам стране, которая вместе с нами сражается с буржуями, от которых все беды на земле. А вот тут я подслушал, что немцы это и есть те фашисты, о которых раньше говорили, что они ненавидят евреев и коммунистов и убивают их. Как же Сталин дружит с ними? Получалось, что взрослые люди врут нам, детям, и от этих мыслей у меня рождалось недоверие к ним. А раз мы – евреи, то нам надо спастись от них. Позже, в эвакуации, столкнувшись впервые со словом «ж-и-д» и всем, что вкладывали в это понятие взрослые и, особенно, дети, я утверждался в сознании, что мы точно нехорошие люди, которые не хотят воевать, сбежали в какой-то таинственный Ташкент, не хотят работать и живут за

чужой счёт. Я помнил, как работали мой дедушка Борух и папа, который сейчас на фронте, и в моём сознании подспудно укреплялась мысль, что не только дети, но и взрослые говорят неправду. Свой протест я стал обращать против своих школьных сверстников, дразнивших меня. Так я научился драться, но чаще был бит сам, потому что мне почти всегда противостояли не один, а несколько пацанов.

Где-то летом 1938 года я обнаружил в нашем сарае маленького щенка. Радости не было конца! Оказывается, я давно мечтал о своём Джульбарсе и о своём будущем – пограничник (!) наподобие героя Карацупо. Дворняжка Шарик оказался смышленным – через пару дней он провожал меня до детского сада и самостоятельно возвращался домой. Мы любили друг друга, и он не отходил от меня. Я помню, папа уже несколько месяцев воевал в какой-то Польше. Ну, а я ежедневно утром вместе с Шариком заходили за Людой, моей соседкой и, и мы втроём отправлялись, как обычно, в детский сад. В тот день мы подошли к садику и даже не обратили внимания на странную повозку–короб, запряжённую лошадью, из которой доносился лай собак. Едва мы поравнялись с этим лающим ящиком, как появился какой-то дяденька с длинной палкой и петлёй на конце. Он ловко заарканил моего бедного Шарика и затащил его на этой петле в будку и поместил в клетку. На мои крики и рыдания он не обратил никакого внимания и поехал дальше. Я сопровождал его и умолял отпустить моего Шарика. А затем я побежал домой, и мне казалось, что нет конца моему горю. Дома мама рассчитывалась с молочницей, которая постоянно приносила нам молоко в бидоне. Я ужаснулся от такой несопоставимости – там страдает в клетке мой Шарик, а здесь такая обыденность – разливают молоко. Мама выслушала меня и пообещала, что скоро приедет папа, и мы пойдём и заберём Шарика. И когда через пару месяцев я вернулся из садика и застал дома папу в военной форме, окружённого соседями и рассказывающего о войне, я обнял его и потребовал немедленно пойти куда-то и забрать Шарика. Меня поразило равнодушие взрослых.

А пока мы жили в то, казалось, безмятежное предвоенное время, а отец уже второй раз призывался на войну – в конце декабря,

на этот раз — на финскую. Наш детский сад располагался в одноэтажном кирпичном доме, а за забором стоял высокий 4-этажный дом (его называли «домом лётчиков»), выходивший фасадом на площадь Ленина. От взрослых я слышал, что в этом доме жил знаменитый лётчик Смушкевич, дважды Герой Советского Союза. А напротив, через дорогу, начинался Ботанический сад, куда нас часто водила Дуня, как кто-то прозвал нашу воспитательницу. Мы играли на спуске к Витьбе, через которую был перекинут мост-плотина, к нему примыкал дом, который Ундина-Дуня называла мельницей. Вода перед плотиной всегда была беспокойной, а за ней широко разливалась Витьба, и низкие в этом месте берега реки были часто затоплены. С противоположного берега, от Ветинститута, иногда куковала кукушка. Дуня просила нас считать — кукушка «говорила» нам, сколько лет мы ещё проживём. Я усердно считал не сбиваясь, но каждый раз получались разные цифры, и я боялся, чтобы кукушка не замолчала раньше. Наверное, это были первые абстрактные мысли, что жизнь не бесконечна. Но однажды до меня дошло, что кукушка не может отсчитать всем нам одинаковые годы. Это и успокаивало, и подтверждало, что взрослые говорят нам неправду. Но мне и не могло придти в голову, насколько я тогда был неправ — многим, считающим вслед за кукушкой рядом со мной, судьба уже отмерила свои короткие сроки — 2 или 3 года, не более...

Однажды зимним вечером мама забрала меня из детского сада, и я с изумлением заметил, что полная яркая луна, низко висящая над крышами, как бы «шагает» вослед нам — мы уже прошли много кварталов, а луна так и смотрела напротив нас, шагая рядом с нами, а с ней «шагают» и другие звёздочки. Удивительно, но объяснение мамы, что то расстояние, которое мы прошагали, очень маленькое по сравнению с расстоянием до луны, что в действительности мы как бы стоим на месте, я понял.

В ту предвоенную зиму в наш город приехал цирк «Шапито». Он располагался неподалёку от нашего дома на высоком обрывистом берегу Витьбы. Естественно, я зачастил в него: то с отцом, то с другими родственниками. Тогда у нас поселился молодой очень весёлый парень Ичке, который любил играть на трубе, и ему

вскоре предстояла срочная военная служба, так взрослые называли призыв в армию. Вечером все взрослые собирались в бабушкиной комнате у ярко горящей печи, и я никогда не пропускал это время, особенно когда там присутствовал Ичке. Я отчётливо помню, как однажды моя бабушка Иоха прокомментировала его рассказ об очередном посещении цирка. Тогда, в холодный осенний вечер 1940-го все собрались у печи, которая топилась из бабушкиной комнаты. Это была наша гостиная осенне-зимнего периода (печь была большой, и два её угла выходили в спальню и просторный зал). Тогда Ичке, т.е. Исаак, папин земляк и, возможно, родственник, пришёл из цирка, куда он попал видимо впервые в жизни, и рассказал о выступлении знаменитого клоуна. Особенно его поразило то, как клоун умудрился съесть бочку огурцов: «Вот бочка была полной, он ел и ел, а потом повернули бочку вверх дном» ... Тут Ичке глубоко вздохнул, перевёл дыхание и потрясённым голосом произнес: «Ни одного огурца – одно дно!». Все – мама, папа, варшавские беженцы – евреи, спасшиеся от немцев и жившие в то время тоже у нас, обсуждали варианты фокуса, и только бабушка сохраняла невозмутимое спокойствие. Когда возможные секреты фокуса были обсуждены, бабушка задала только один глубокомысленный вопрос: «Ичке, унд ди угиркес гивен гизалцен?» (Ичка, те огурцы были соленые? – идиш) Смеялись долго – смех то затихал, то кто-то, задыхаясь, повторял опять бабушкин вопрос в её интонации – и смех, весёлый и искренний, начинался опять. Один я ничего не понимал – что тут смешного, ведь бабушка только и спросила дядю Исака – были ли эти огурцы солеными. Исаак в середине июня ушёл в армию и пропал навсегда... Его долго, и даже после войны, вспоминали в нашей семье.

Так и протекало с детскими «открытиями» наше, как нам казалось, счастливое довоенное детство...

Но однажды эта жизнь с заботами и радостями «местного значения» в нашем набережном царстве драматически изменилась – раз и навсегда... Было ясное раннее воскресное утро 22 июня 1941, когда я ещё досматривал свои сны, как вдруг кто-то постучал во входную дверь. Родители спали, и я, спрыгнув с дивана, пошёл открывать дверь. У входа стоял незнакомец с

большим пакетом. «Быстро разбуди папу». Отец вышел, переговорил с ним, затем вернулся, что-то сказал маме и ушёл... до конца декабря 1946 года. Никакого волнения, ничего необычного – отец работал заместителем директора фабрики, и изредка его вызывали в неурочное время. Часов в 9 утра я вышел на улицу, зашёл за соседской девочкой Людой, с которой мы вместе ходили в детский сад. Минут через 15 мы расположились на нашем камне у дома, как вдруг высоко над головой возник какой-то незнакомый надсадный звук. Я поднял голову и увидел много самолётов с белыми крестами на крыльях. Через мгновение вокруг них стали возникать белые облачка, которые быстро таяли. Прибежала мама, и забрала меня домой. Я стал сопротивляться и тут же схлопотал по заднице – мама сказала, что это стреляют зенитки и нас могут ранить или убить. Прошло немного времени, и к моему удивлению, мама стала плакать, а с ней и несколько соседок, собравшихся в нашем доме. Наш дом отличался от окружающих – у нас был водопровод, и, главное, недавно установили радио, чёрный конусообразный диск. Когда объявили о выступлении Молотова, зал в доме был заполнен людьми. Мы поняли, зачем приходили за отцом. Со следующего дня изменился и распорядок жизни: с 5 утра взрослые соседи выходили с лопатами для рытья глубоких траншей вдоль берега Витьбы. Я всегда был рядом с мамой. К 6 утра все шли в наш дом слушать сводки Совинформбюро, а затем рытьё т.н. щелей продолжалось. Щели обкладывали досками, а сверху настилали брёвна. Между тем сводки с каждым днём становились всё мрачнее – немцы стремительно приближались, а Минск уже был захвачен немцами дней через пять после начала войны. Все ждали, что вот-вот, завтра или послезавтра, немцев погонят назад...

Вскоре детей старших групп нашего садика вывезли на дачу. Дня 4–5 у нас была захватывающая интересная жизнь: спали мы одетыми – на случай быстрой эвакуации, ходили мы в лес строем, как солдаты, с зелёными ветками в руках – для маскировки от часто пролетающих над нами самолётов с крестами. Постройки, в которых нас разместили, находились на возвышенности, и мы прекрасно видели, как самолёты подлетали к городу, иногда там начинались взрывы, но чаще они пролетали дальше на восток.

Однажды нас разбудили на рассвете, предложили быстро собрать свои вещи и выходить к машинам, приехавших за нами. Несколько полуторок со скамьями, закреплёнными за борта, быстро заполнились детьми. Нас попросили держаться друг за друга, а воспитательницы расположились по углам кузовов машин. Вскоре мы были в Витебске, и наши ожидающие мамы разобрали нас у детсада. А через полчаса началась очередная бомбёжка промышленных районов. Позже я узнал, что машины прислал директор комбината стройматериалов Ефим Левит, чья дочь Зина тоже была в этом лагере. Фактически, Левит спас всех нас, так как таких возможностей не было уже ни у кого – ведь большинство отцов были мобилизованы. В первых числах июля мама отвела меня в школу, и я был зачислен в первый класс. Какой-то строгий дядя попросил меня написать на доске мою фамилию, и я с трудом справился с этим заданием. Мама была явно недовольна мною, но дядя, экзаменуя меня, похвалил и вручил несколько учебников. Я не помню, что это были за книги, но меня поразило, что среди портретов вождей были несколько с замазанными глазами и зачёркнутыми подписями под ними, но маршальские звёзды на их петлицах вызвали недоумение в детской голове. На мои вопросы мама отвечала кратко «Предатели, шпионы». Прошло ещё несколько дней, и к нашему дому подъехала подвода, мама вынесла несколько мешков с вещами и продуктами, и вскоре мы загружались в какие-то странные вагоны без крыш и полок. Эти вагоны называли телячьими для перевозки ими домашнего скота. Вскоре всё пространство вагона было завалено мешками и чемоданами, на которых сидели их обладатели. Где-то за городом шли бои, и отдалённый грохот орудий и взрывов доносился до нас. Все знакомые взрослые выглядели необычно – растерянные, озабоченные, испуганные лица. И только нам, пацанам, всё было так необычно и интересно, и мы не представляли, через какие испытания нам предстоит пройти и во время отъезда – бегства от оккупации, и в эвакуации – на долгие шесть голодных лет, с трагическими потерями...

Мы прочувствовали это с первого дня. Несколько суток мы простояли без движения, и эта неопределённость и страшные

неудобства с питанием, туалетом, сном не внушали оптимизма взрослым, а нам, пацанам, и вовсе крушением всех ожиданий. Приходили какие-то дяди и объясняли, что обычный путь на восток, через Оршу, перерезан немецким десантом, изучают другие варианты отъезда, но и возвращение по домам не исключается. И вдруг у нашего вагона я увидел несколько красноармейцев и ...папу среди них. На петлицах у папы были треугольники, в руках винтовка с примкнутым штыком, патронташи на ремне. Они были очень возбуждены ожидаемой разгрузкой, хотя я бы был так рад оказаться опять дома. Позже, когда поезд двинулся на север, говорили, что папа грозил расстрелять начальника вокзала. Эта короткая встреча с отцом стояла перед моими глазами всю войну и запомнилась своей необычностью — папа почти совсем не обратил на меня никакого внимания — видимо, угроза, что нас оставят, превышала всё остальное его внимание...

Медленно мы доехали до Невеля, это была уже территория России. Большая узловая станция была забита военными составами, на открытых платформах стояли зенитки, счетверённые пулемёты на вращающихся платформах, а также танки и другая военная техника. Все они направлялись в противоположном направлении, на запад. Для мальчишек это было зрелище! Вдруг взвыли сигналы воздушной тревоги, и мы полезли под вагоны, но старые люди, в том числе и бабушка Йоха, остались в вагоне. Кстати, наша семья состояла из 8 человек: мама с тремя мальчиками, бабушка и тётя Рая, старшая сестра мамы с двумя детьми. Началась стрельба и раздались взрывы, непрерывно строчили зенитки. Я не выдержал и вылез из-под вагона, а мама, занятая плачущими младшими братьями, не заметила моего «маневра». Я и пара пацанов быстро забрались в вагон и по скобам в углах вагона поднялись на его верхний срез. Перед нами предстала незабываемая панорама — горели паровозы, зенитки вращались, стреляя очередями, причём рядом с ними лежали уже убитые, много людей металось между составами. Я задрал голову вверх, ожидая увидеть горящий немецкий самолёт, но ... В следующее мгновение я увидел стремительно приближался самолёт (мессершмит, как позже я узнал от взрослых). Он летел

буквально над составом, мерах в десяти над землёй. Я отчётливо увидел лицо лётчика ... эта мгновенная во времени «картина» и сейчас стоит перед глазами – чёрного цвета, как мне показалось от солнца, самолёт и сквозь прозрачную кабину – лётчик-немец в больших очках... Самолёты исчезли также внезапно, как и прилетели. Наступила оглушительная тишина, которая прервалась криками наших мам. Люди повывлезали из-под вагонов, наши мамы решительно двинулись к нам, видимо, надрать уши, и в этот момент из станционного радио раздалось предупреждение: «Воздух!», и я сразу заметил три стремительно приближающиеся точки – опять самолёты. Кто-то скомандовал: «Под вагоны и в поле». За насыпью сразу начиналось огромное поле, а на нём глубокие и широкие канавы, видимо, мелиорационные. Люди старались убежать подальше от станции, однако маме с малышами хватило сил добежать до первой канавы. Самолёты разделились: два над полем, а третий – над станцией. Впрочем, мне, уже увидевшему трупы, причём впервые в жизни, было не до разглядывания за маршрутами воздушных бандитов. Распластавшись на дне канавы, я наблюдал, как самолёты, непрерывно стреляя, пролетали над канавами, опять же – почти над землёй – затем, разворачиваясь, набирали высоту и, описав полукруг, вновь снижались над канавами. Не знаю, сколько продолжался этот налёт, позже говорили, что минут десять, но для меня это было вечностью. Когда всё стихло, люди стали подниматься, но многие остались лежать, другие, раненные, стонали и кричали. Появились санитары с носилками – одни уносили раненных, другие – складывали трупы. Тут мне пришлось пережить ужасную сцену: тётя Рая схватила окровавленное тело мальчика и стало кричать, как безумная: «Миша, Мишенька!». Нина, её старшая дочь, которая уже окончила 5 классов, присмотревшись и плача, сказала: «Мама, это не Миша, у него другие носки» ...тётя разжала руки, и тело упало. Позже взрослые говорили, что немцы стреляли разрывными пулями, которые, попадая в тело, буквально разрывали его. Поэтому тётя и не узнала сына, так как пуля попала в голову бедному мальчику, и узнать его было невозможно. Невозможно и передать, что творилось на станции – вопли, чёрный дым, пожарные машины, заливающие горящие

паровозы и вагоны, массы людей, разыскивающие своих среди живых, мёртвых и раненных. И тут выяснилось, что в нашей, первой, канаве все остались целыми – никто ни ранен, ни убит. Стали гадать, как это случилось. Тут я вспомнил, что вдоль нашей канавы всё время, когда самолёт летал над нами, сбоку, рядом возникали какие-то фонтанчики. Взрослые объяснили, что это пули взрывали землю. Но ведь с такой высоты промахнуться было невозможно – значит ... «наш» лётчик делал это осознанно, т. е. он не был фашистом... И тут в этом охваченном паникой людском муравейнике мама встретила своих старших братьев Якова, Наума и Саула с их семьями, которые ехали в более комфортных условиях – их вагон имел крышу и полки вдоль стен. Братья решили забрать бабушку с собой, так как она от пережитого страха слегка была «не в себе», и продолжать поездку с ней в наших условиях было невозможно, к тому же, мужчины... Но об этом все говорили уже позже, когда наше «путешествие» проходило не в столь драматических обстоятельствах.

Много ещё других неприятностей было на нашем более двухнедельном бегстве. На какой-то станции нас пересадили в т. н. теплушки, обычные вагоны с полками. Однажды, на большой станции, мы долго стояли, и мама пошла раздобыть какую-либо пищу (наш мешок с едой стащили с повозки ещё в Витебске, пока мы прятались от осколков бомб в глубоком подвале в доме напротив Каланчи, и еда для трёх пацанов стала основной заботой у моей бедной мамы в этой долгой дороге), и я пошёл с ней. В привокзальной столовой стояли накрытые столы, на каждом из которых высились тарелки с хлебом. Мама сняла с нескольких таких столов весь хлеб, и её сразу же задержали. Прибежал какой-то дядя и объяснил маме, что столы накрыты для прибывающего на фронт воинского состава: «У кого вы воруете хлеб?» – кричал он. Мама кричала в ответ: «Для голодных детей уже воюющего на фронте отца!». И её отпустили... Наконец мы прибыли в город Уфу, столицу Башкирии... Видимо, это было начало июля. Нас разместили в пустующей школе на углу улиц Сталина и Цюрупы. Всех прибывших семьями размещали в классах. Я помню, что для нашей семьи выделили две кровати и один стул. Вскоре

нас, семь человек, перевезли на улицу Будённого дом № 33. Дом был большой, на две половины, в одной из которых жила хозяйка, старая женщина, которая до революции была купчихой 1-ой гильдии (об этом я узнал позже, но что это значило, я не понимал). В другой половине жила её дочь, детский врач, Анна Андреевна Французова, с именем которой будет связана потеря Марика, и её сын, мальчик лет четырёх. Хозяева разместили нас только в сенях, но в комнаты не пускали. Так мы и прожили там до сентября. Сени были оклеены газетами, содержание которых и стало моим чтивом. Однажды я прочёл в газете стихотворение, в котором были такие строчки: «...С песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идёт...» Эти строчки меня озадачили: как же можно было бороться с песнями, побеждать их, а уж затем идти за великим Сталиным. Тем временем в сенях стало холодно, и воинственная тётя Рая привела комиссию из военкомата. Хозяев наказали: в одной из комнат 1-ой половины разместили магазин, в котором по карточкам раздавали хлеб, благо, что в этой комнате было крыльцо с отдельным входом с улицы. Нас разместили во 2-ой половине – комнатка с одним окном, в которой установили две огромные кровати и тумбочку. Другой мебели не было. Справа, у двери стояла печь для обогрева – всё! Две кровати для двух семей. Уборной для всех семи человек служило ...ведро, стоящее у печи. Так мы и жили до февраля 1942 года, когда с войны возвратился дядя Хаим, муж тёти Раи. Он был контужен под Москвой, и его комиссовали (было такое слово для раненых, не способных больше воевать). Рот у дяди был с правого боку, и когда он ел, большая часть пищи выпадала изо рта. Вскоре они сняли комнату в другом доме, но на той же улице. Нам стало свободнее. Но до этого 21 января 1942 года умер мой младший брат Марик.

Мама, я и Фима прожили в той комнатке до января 1947 года.

Гирш РАЙХЕЛЬСОН. Yatlamalar